

Сравнительный анализ словенских частиц *še* и *že* на фоне русского языка

В статье сопоставляются словенские частицы *še* и *že* главным образом с русскими частицами *еще* и *уже*. В отличие от русской *уже* словенская *že* не может сочетаться с отрицательной формой глагола: вместо нее в такого рода контекстах используется наречие *več*. Наиболее тонкие различия между словенским и русским языками обнаруживаются в сочетаниях *še* и *že* с обстоятельствами времени, где для словенского языка оказывается характерным так называемое «сюжетное время». Событие трактуется как локализованное на временной оси, а не с позиции «времени говорящего», что проявляется в возможности использования *že* в таких контекстах, как *umrl je že v devetnajstem stoletju* (умер еще в девятнадцатом веке). При этом лексема *že* не способна выражать значение ‘не раньше / не позже, чем’: в данной функции вместо нее употребляется частица *šele*. Автор приходит к выводу, что словенские частицы шире употребляются как модальные, чем их русские аналоги. Частица *še* обладает рядом интенсифицирующих функций, соотносящихся с функциями русских частиц *даже*, *еще* и *и*, частица *že* может употребляться так же, как русские лексемы *уже* и *уж*. В отличие от *уж*, *že* не всегда выражает недовольство и может вносить в высказывание значение уступки.

Ключевые слова: *словенский язык, русский язык, лексическая семантика, частицы, модальность.*

DOI: 10.31168/2073-5731.2020.1-2.2.02

В словенистике достаточно подробно изучался вопрос выделения частиц как части речи и их типов (см., например, Toporišič 1991; Smolej 2004; Šekli 2017; Krvina, Žele 2018), а также анализировалась семантика отдельных из них в сопоставлении с русским языком, см., например, (Uhlik 2018; Uhlik, Žele 2018). Между тем слабо изученными остаются многие важные вопросы, представляющие интерес в типологическом и лингводидактическом аспектах, и один из них связан с особенностями функционирования частиц *še* и *že*.

В качестве самостоятельной части речи словенского языка частицы впервые выделил Й. Топоришич в статье «Краткая морфология словенского литературного языка» (Торогиšič 1974). До этого частицы рассматривались в составе наречий. Это можно проследить по эволюции квалификации *še* и *že* в «Словаре словенского литературного языка»: в первом издании 1970–1991 гг. они маркированы как наречия (SSKJ) — поскольку, как пишет М. Смолей, словарь тогда ориентировался на «Словенскую грамматику» 1956 г. (Smolej 2015: 130), а в 2014 г. — уже как частицы (SSKJ-2). В том же году вышел первый словарь словенских частиц (SSČ), в который также были включены данные лексемы. Как таковой вопрос частеречной принадлежности и семантической специфики квазисинонимов *še* и *že* в словенистике до настоящего времени не поднимался.

В русистике частеречная принадлежность лексем *еще* и *уже*, напротив, неоднократно становилась предметом научных споров и обсуждений (см. работы А. А. Остроумова (Остроумов 1954), А. Моисеева (Моисеев 1978), А. Мустайоки (Мустайоки 1988) и многих других). На данный момент большинство лингвистов считает их частицами (Николаева 1985; Перцов 2002; Труб 2003; Урысон 2007 и др.), и мы согласны с данной позицией, признавая при этом, что определенные контексты их употребления близки к наречным. Например, В. В. Бабайцева рассматривает *еще* и *уже* как своеобразные омокомплексы (комплексы омонимичных лексем, относящихся к разным частям речи), которые могут быть представлены в виде шкалы переходности от наречий к частицам (Бабайцева 2000). Автор приводит примеры употребления *еще* и *уже*, в которых обнаруживаются признаки наречий: актуализация интонацией и наличие лексического значения (там же: 373–374):

(1) Он *еще* продолжал говорить, хотя все перестали его слушать (М. Горький).

(2) Ранняя осень *уже* засыпала лесные дороги мокрыми листьями (К. Паустовский).

Мы не будем подробно рассматривать вопрос частеречной принадлежности анализируемых лексем в обоих языках, сосредоточившись на функционально-семантических аспектах, являющихся ключевыми для описания специфики словенских единиц на фоне их русских соответствий.

1. Темпоральные контексты употребления словен. *še* и *že* в сравнении с рус. *еще* и *уже*

Именно темпоральные смысловые оттенки у лексем *еще* и *уже* служат одним из главных критериев дифференциации их семантики. Ю. Д. Апресян использует понятие «время говорящего», являющееся ключевым для проведения границы между *еще* и *уже* (Апресян 1986):

(3) *Еще* вчера я с ним разговаривал, а сегодня его *уже* нет в живых.

(4) *Уже* сейчас ясно, что он проиграл.

В предложении (3) точка отсчета, к которой отсылает частица *еще* (я с ним разговаривал), отличается от времени говорящего, а в предложении (4) точка отсчета, связанная с частицей *уже*, совпадает с «временем говорящего», при этом взаимозаменяемость данных лексем в приведенных контекстах невозможна.

Несмотря на семантическую близость, в темпоральном аспекте частицы *еще* и *уже* могут вступать фактически в антонимические отношения, входя в состав так называемых канонических конструкций¹ «*еще не Р ... уже Р*», «*еще Р ... уже не Р*» (Труб 2003: 675). Например:

(5) Он *еще не* пришел. Он *уже* пришел.

(6) Она *еще* студентка. Она *уже не* студентка.

Концептуальное различие между *еще* и *уже* в рамках данных конструкций заключается в ориентации *еще* на будущее, на предстоящее начало новой ситуации, и связи *уже* с прошлым, с окончанием предшествующей ситуации.

Наибольшую трудность для анализа представляют собой случаи употребления лексем *еще* и *уже* в сочетании с обстоятельствами времени или обстоятельствами другого типа, обладающими контекстуально обусловленной темпоральной семантикой (о чем писал еще М. П. Погодин в 1826 г., см: Перцов 2002: 147–148). Здесь следует выделить две ситуации. Первая из них подразумевает наличие на

¹ Термин «каноническая конструкция» здесь и далее используется вслед за В. М. Трубом для обозначения конструкций «*еще не Р ... уже Р*», «*еще Р ... уже не Р*». Канонические конструкции могут иметь как внешний, так и внутренний (имплицитный) характер.

временной оси как минимум трех точек, причем «время говорящего», по сути, выносится за скобки. Приведем классический пример, неоднократно цитируемый во многих работах (Богуславский 1996: 241; Труб 2003: 675):

(7) *Еще* в Твери я понял, что еду зря.

(8) *Уже* в Твери я понял, что еду зря.

Логико-семантическая структура высказывания может быть представлена на временной оси, на которой можно отметить три точки: время отправления, остановку в Твери, время прибытия. Однако в первом случае говорящий описывает время остановки в Твери как далекое по отношению ко времени прибытия, а во втором — как близкое ко времени отправления. В данной ситуации можно усмотреть аналогию с вышеупомянутым концептуальным различием *еще* и *уже* в рамках канонических конструкций (ориентация на будущее и прошлое соответственно).

Иной тип ситуации связан с присутствием на оси времени говорящего, как, например, в следующих высказываниях (Богуславский 1996: 238):

(9) *Еще* Щерба обращал внимание на необходимость изучения языковых ошибок.

(10) *Уже* Щерба обращал внимание на необходимость изучения языковых ошибок.

Интерпретация данных высказываний отличается от примеров (7) и (8), поскольку здесь мнение Щербы рассматривается сквозь призму «времени говорящего» или «мира говорящего», в терминах И. М. Богуславского (там же: 239), и Щерба воспринимается как личность, жившая в прошлом (9), или как современник говорящего (10). При этом в подобных ситуациях возможна иная трактовка, предполагающая, что на временной оси становления языкознания Щерба может быть представлен как исследователь, далекий от современного говорящему этапу развития науки (9) или как близкий к ее истокам (10). В таком случае высказывания (9) и (10) фактически ставятся в один ряд с (7) и (8). Второй тип интерпретации является доминирующим в предложениях следующего рода:

(11) Дом старый, его построил *еще* мой дед.

Замена *еще* на *уже* в данном контексте невозможна. Следовательно, дед «мыслится не как вошедший в круг времени говорящего, а скорее как не вышедший из круга времени своего отца» (Богуславский 1996: 240). В целом же нельзя не отметить, что по сравнению с примерами (7) и (8) время говорящего играет в высказываниях (9), (10) и (11) более существенную роль: вопрос лишь в ее конкретизации. О различии данного рода трактовок писал А. Мустайоки: в его терминологии речь идет о **сюжетном** (связанном с линией времени события) и **несюжетном** времени (относящемся к линии времени субъекта) (Мустайоки 1988: 131).

Перейдем к анализу словенских частиц *še* (буквально ‘еще’) и *že* (буквально ‘уже’) в темпоральном аспекте с учетом вкратце рассмотренных разработок, сделанных на материале русского языка. Изучив вышеупомянутые лексикографические источники и материал национального корпуса словенского литературного языка (Gigafida), мы пришли к выводу, что в рамках вышеупомянутых канонических конструкций семантика *še* и *že* обнаруживает как сходства, так и различия с *еще* и *уже* соответственно. Если внутренняя конструкция «*еще не* Р... *уже* Р» на внешнем уровне реализуется аналогично тому, как это происходит в русском языке (*še ne* Р... *že* Р), см. (12), (13), то во второй конструкции «*еще* Р... *уже не* Р» фигурирует исключительно наречие *več* в сочетании с отрицательной формой глагола (буквально ‘больше не’), см. (14), (15):

(12) Luka *še ne* hodi v šolo (Лука *еще не* ходит в школу).

(13) Luka *že* hodi v šolo (Лука *уже* ходит в школу).

(14) Marija *še* živi v Ljubljani (Мария *еще* живет в Любляне).

(15) Marija *ne* živi *več* v Ljubljani (Мария *уже не* живет в Любляне).

Сочетание словенской частицы *že* в темпоральном значении² с отрицательной формой глагола невозможно: *Luka *že ne* hodi v šolo (0 из 100 первых употреблений *že ne* в «Gigafida»). При этом, как и в русском языке, лексема *še* отсылает к началу ситуации, *že* — к ее концу. По этой же причине в словенском языке невозможны сочетания *še* с обстоятельствами, связанными со скорым завершением ситуации, см. (16) и (17):

² О прочих значениях частицы *že* см. в разделе 2 настоящей статьи.

(16) *Vlak ima že čez pet minut* (У него / нее поезд уже через пять минут).

(17) **Vlak ima še čez pet minut* (*У него / нее поезд еще через пять минут³).

Интересно, что семантика ситуации, продолжающей иметь место, в случае *že* реализуется в более широком наборе контекстов, содержащих форму настоящего времени глагола, нежели в случае *ešte*, и это позволяет провести аналогию *že* с русской частицей *и*:

(18) *Še danes ne vem, zakaj sem po tem dogodku dolge mesece o bolečini molčala in si pri sebi mislila — bo boljše* (Я и сегодня не знаю, почему после этого случая я долгие месяцы молчала о боли и думала, что мне станет лучше). *Naša lekarna, 2006*.

(19) *Česa podobnega ne pomnijo niti najstarejši domačini in se še zdaj čudijo, kako močno lahko narava pokaže zobe* (Ничего подобного не помнят даже самые старые местные жители, которые и сейчас удивляются, насколько мощно природа может показать зубы). *Nedelo, 2008*.

(20) *V Sloveniji je še zmeraj največ diplomiranih ekonomistov med vsemi nazivi* (В Словении дипломированных экономистов до сих пор выпускается больше, чем других специалистов). *Интернет, 2017*.

Все вышеперечисленные примеры сочетания *še* с наречиями (*danes* ‘сегодня’, *zdaj* ‘сейчас’, *zmeraj* ‘всё время, постоянно’) можно перевести на русский язык как *до сих пор*, *всё еще*, что свидетельствует о наличии у данных сочетаний имплицитной семантики канонических конструкций (ситуация продолжает иметь место) и ее доминировании: *še* не усиливает значение наречий *danes*, *zdaj*, *zmeraj*, которые в примерах (18), (19) и (20) взаимозаменяемы, а является основным носителем смысла.

Несколько иное соотношение наблюдается при сравнении сочетаний словенских частиц *še* и *že* и русских *еще* и *уже* с обстоятельствами времени, отсылающими к прошлому. С одной стороны, в словенском языке присутствуют высказывания, аналогичные русским (7) и (8), где происходит сопоставление трех точек на временной оси и время говорящего эксплицитно не обозначено:

3 При этом возможно: *Ima še pet minut do odhoda vlaka* (У него / нее еще пять минут до отправления поезда) — времени еще достаточно.

(21) Problemi, s katerimi so bili še zjutraj pred seminarjem obremenjeni, so se razblinili (Проблемы, которые их тяготили *еще* утром, перед началом семинара, исчезли). *Celjan, 2005.*

В примере (21) с помощью лексемы *še* промежуток между утром и моментом избавления от проблем характеризуется как значительный.

(22) Za vaše otroke je najbolje, da jih zdravo nahranite že zjutraj. Če bodo šli od doma siti, ne bodo čutili potrebe po praznih kalorijah (Лучше всего накормить детей полезной пищей *уже* с утра. Если они выйдут из дома сытыми, они не будут чувствовать необходимость в потреблении «пустых» калорий). *Skrivnost srečnega otroštva.*

Употребление частицы *že* в примере (22), напротив, указывает на то, что интервал между началом дня и утренним завтраком небольшой. Как видно, в данных высказываниях словенские *še* и *že* соответствуют русским *еще* и *уже* (хотя в (21) возможна замена русского *уже* на *еще*, которая в этом случае сместит акцент на утро по отношению ко всему остальному дню).

Теперь приведем несколько примеров контекстов, в которых время говорящего обозначено на временной оси. Во всех контекстах обстоятельства времени, с которыми сочетаются частицы, соотносятся с глаголами в прошедшем времени:

(23) Za današnji slovenski prostor so bili že v srednjem veku značilni leseni izdelki (На территории современной Словении *еще* в Средневековье производились изделия из дерева). *Raziskujem preteklost 7: Učbenik za zgodovino v sedmem razredu osnovne šole.*

(24) Zanimivo, da so se že pred stotimi leti dogajale turistom podobne nevšečnosti, kot so dobro znane tudi sodobnim turističnim nomadom (Интересно, что *еще* сто лет назад с туристами происходили подобные неприятности, хорошо знакомые современным «кочевникам»). *Jana, 2007.*

(25) [...]Šport ima pri nas kar dolgoletno tradicijo. Odlični športniki so bili že v nekdanji Jugoslaviji (Спорт в Словении имеет давнюю традицию. Высококласные спортсмены были *еще* во времена бывшей Югославии). *Vestnik, 2006.*

(26) Dejal je, da so antidopinška določila tako zastarela, da bi jih bilo že v prejšnjem stoletju treba spremeniti. (Он заявил, что антидопинговые правила настолько устарели, что их нужно было поменять *еще* в прошлом веке). *Интернет, 2011.*

При переводе высказываний (23)–(26) в качестве аналога лексеме *že* мы использовали частицу *еще*, поскольку в русском языке использование *уже* менее характерно из-за отсутствия связи ситуации со «временем говорящего», ведь обстоятельства времени, с которыми сочетаются частицы, относятся к давно прошедшим событиям:

(27) На территории современной Словении *уже* в Средневековье производились изделия из дерева.

(28) Интересно, что *уже* сто лет назад с туристами происходили подобные неприятности, хорошо знакомые современным «кочевникам».

И т. д.

Возможна ли в словенском языке соответствующая замена *že* на *še* в сочетании с подобными обстоятельствами времени? Если сравнить сугубо статистические данные, учитывая, что они содержат определенный процент нерелевантных контекстов, то они демонстрируют, что соответствующие сочетания с *še* возможны, но менее частотны: *že v srednjem veku* (443 вхождений в корпус «Gigafida») — *še v srednjem veku* (57), *že pred stotimi leti* (186) — *še pred stotimi leti* (136), *že v prejšnjem stoletju* (236) — *še v prejšnjem stoletju* (141), *že v nekdanji Jugoslaviji* (63) — *še v nekdanji Jugoslaviji* (59). Семантические же различия, как нам представляется, зависят от интерпретации ситуации либо в рамках общей хронологии процесса, например производства изделий из дерева, туризма, развития спорта и т. п., либо с учетом «времени говорящего» (см. примеры (9) и (10)).

Обратим внимание, что число словосочетаний с *še* и *že* существенно различается в пользу *že* в случае указания Средневековья и гораздо менее значительно — в случае указания разницы в сто лет, прошлого века и бывшей Югославии. Дело в том, что в последних ситуациях отсылка к времени говорящего гораздо более вероятна: оно задается в качестве точки отсчета в словосочетаниях *že v prejšnjem stoletju* и *že pred stotimi leti*, равно как и в *že v nekdanji Jugoslaviji*, подразумевающим, что на смену данному государству пришли другие. Ориентация на текущий момент очевидна, например, в следующем контексте:

(29) *Še v prejšnjem stoletju je bilo puščanje »slabe« krvi iz telesa zelo pogost način zdravljenja, pa čeprav je George Washington zaradi tega umrl (Еще в прошлом веке выпускание «плохой» крови из организма было весьма распространенным способом лечения, хотя из-за него умер Джордж Вашингтон). Ivan Burnell. Moč pozitivnega delovanja.*

Существуют ли подобные высказывания, в рамках которых употребление *уже* в русском переводе в принципе невозможно? Мы проанализировали использование словосочетания *že v srednjem veku* в корпусных текстах и обнаружили следующие примеры:

(30) Irski jelen, ki je izumrl *že* v srednjem veku, se je lahko pohvalil z velikanskimi rogovi (Ирландский олень, вымерший *еще* в Средневековье, мог похвастаться гигантскими рогами). *Nedeljski dnevnik*, 2009.

(31) [...]Šesto let je stal ob cerkvi benediktinski samostan, ki je *že* v srednjem veku propadel brez sledi ([...]Рядом с церковью шестьсот лет стоял монастырь бенедиктинцев, бесследно исчезнувший *еще* в Средневековье). *Delo*, 2007.

(32) Verjetno le elektrika in ostanki sovjetske agitatorske umetnosti določajo, v katero časovno obdobje sodijo naselja; če odmislimo to, se zdi, kakor da se je čas v stepi ustavil *že* v srednjem veku (Наверное, лишь электричество и остатки советского агитационного искусства свидетельствуют о том, к какой эпохе относятся поселения; иначе кажется, будто время в степи остановилось *еще* в Средневековье). *Mladina*, 2003.

В контекстах (30)–(32) связи со «временем говорящего» быть не может, поскольку описываются события, которые окончательно завершились или могли завершиться очень давно, и замена в переводе русского *еще* на *уже* лишает высказывание смысла. Таким образом, мы можем утверждать, что для словенского языка весьма характерна трактовка события как локализованного на временной оси, на которой время говорящего представляет собой лишь одну из точек, но не является основной «призмой», сквозь которую происходит наблюдение за событием («сюжетное время» в терминологии А. Мустайоки, см. выше).

Следует упомянуть еще один темпоральный аспект употребления словенской частицы *že* и русской *уже*. Как пишут А. Мустайоки (Мустайоки 1988: 125–130) и И. М. Богуславский (Богуславский 1996: 248–252), русская частица *уже* может выступать как квазисиноним частицы *только* ‘не раньше / не позже, чем’⁴. Приведем примеры:

4 В частности, в немецком и финском языках перед лексемами со значением ‘после, потом, затем’ употребляется исключительно лексема со значением ‘только’, но не ‘уже’.

(33) Настя приехала *уже* после похорон.

(34) Настя приехала *только* после похорон.

Для словенского языка, судя по корпусным данным, использование *že* в контекстах, подобных (33)–(34), нехарактерно: например, словосочетание *že potem* имеет 147 вхождений в корпус «Gigafida», большая часть которых относится к употреблению *potem* в значении ‘следовательно, в таком случае’. Вместо *že* в данных контекстах, как правило, фигурирует особая частица *šele*, указывающая на ограничение действия во времени, противопоставленная лексемам *le* и *samo*, которые имеют модальные функции. Таким образом, примеры (33) и (34) следует перевести на словенский язык как:

(35) *Nastja je prišla šele po pogrebu.*

См. также примеры (36), (37):

(36) *Po jedi si izperemo prste v skodelici s toplo vodo in koščkom limone, šele potem jih obrišemo s prtičkom* (После еды мы моем пальцы в чашке с теплой водой и кусочком лимона и *лишь* потом вытираем их салфеткой). *Ana Nuša Kneževič. Se znamo obnašati?*

(37) *Kot pravijo strokovnjaki, so se spremembe v naši družbi zgodile šele po prvi svetovni vojni* (Как утверждают эксперты, изменения в нашем обществе произошли *уже* после Первой мировой войны). *Dnevnik, 1997.*

Примеры употребления *še* и *že* и *еще* и *уже* в темпоральном значении мы сравнили в следующей таблице:

Таблица 1

	Русский язык	Словенский язык
Каноническая конструкция № 1	Лука <i>еще</i> не ходит в школу — Лука <i>уже</i> ходит в школу.	Luka <i>še</i> ne hodi v šolo — Luka <i>že</i> hodi v šolo.
Каноническая конструкция № 2	Мария <i>еще</i> живет в Любляне — Мария <i>уже</i> не живет в Любляне.	Marija <i>še</i> živi v Ljubljani — Marija <i>ne</i> živi več v Ljubljani.

Сочетание с темпоральным наречием (событие продолжает иметь место)	Я <i>и сегодня</i> не знаю, почему после этого случая я долгие месяцы молчала о боли и думала, что будет лучше.	<i>Še danes</i> ne vem, zakaj sem po tem dogodku dolge mesece o bolečini molčala in si pri sebi mislila – bo bolje.
Сочетание с обстоятельством времени	Высококласные спортсмены были <i>еще</i> во времена бывшей Югославии / Высококласные спортсмены были <i>уже</i> во времена бывшей Югославии (менее характерно).	Odlični športniki so bili <i>že</i> v nekdanji Jugoslaviji / Odlični športniki so bili <i>še</i> v nekdanji Jugoslaviji (менее характерно).
Сочетание с обстоятельством времени (давно завершившееся событие)	Ирландский олень, вымерший <i>еще</i> в Средневековье, мог похвастаться гигантскими рогами.	Irski jelen, ki je izumrl <i>že</i> v srednjem veku, se je lahko pohvalil z velikanskimi rogovi / Irski jelen, ki je izumrl <i>še</i> v srednjem veku, se je lahko pohvalil z velikanskimi rogovi (менее характерно).
‘Не раньше, не позже, чем’ + обстоятельство времени	Настя приехала <i>уже</i> после похорон / Настя приехала <i>только</i> после похорон.	Nastja je prišla <i>še</i> le po pogrebu.

2. Нетемпоральные контексты употребления словен. *še* и их русские эквиваленты

Частица *še* обнаруживает сходства с русской *еще* не только в темпоральной, но и в следующих функциях (SSKJ-2; SSČ)⁵:

1) аддитивность:

(38) Ni nama preostalo drugega, kot da izbereva postrv. Naročila sva *še* krompirček in solato (Нам ничего не оставалось, кроме как выбрать форель. Мы заказали *еще* картошечку и салат). *Интернет*, 2017;

⁵ Здесь и далее при анализе функций частиц *še* и *že* мы опираемся на лексикографический материал, на который ссылаемся выше (SSKJ-2; SSČ). В то же время отдельные формулировки были нами изменены или дополнены.

2) маркирование повторяемости одного и того же события или действия (частица используется при глагольной форме)

(39) *Z njim moram še govoriti* (С ним я должен *еще* (раз) поговорить). *Интернет, 2016*;

3) интенсификация признака (частица используется при сравнительной степени прилагательного):

(40) *Goriška Brda so postala še lepša* (Регион Горишка Брда стал *еще* красивее). *Интернет, 2018*.

Однако лексема *še* имеет более широкий спектр усилительных значений, чем *еще*. Во многих контекстах употребления она соотносится с русскими частицами *даже*, *еще* *и*, *и*:

4) усиление непредвиденной реакции, указание на разрешение ситуации:

(41) *Še vesela bom, če se je bom znebila* (Я *даже* рада буду от нее избавиться). *Vitan Mal. Na ranči veranda*;

5) интенсификация, как правило, неблагоприятного развития событий (частица используется при глагольной форме):

(42) *Najprej se je v slovenskih gorah izgubil, nato pa še padel* (Сначала он потерялся в словенских горах, а потом *еще* и упал). *Интернет, 2010*;

6) расширение существующих границ:

(43) *Še odraslim se zdijo te vrste reklam privlačne* (*Даже* взрослым такие виды рекламы кажутся привлекательными). *Mladina, 1995*;

7) маркирование полного несоответствия количеству или норме (обычно частица употребляется с отрицательной формой глагола):

(44) *Od česa pa naj bi živeli, saj še za hrano nimamo?* (На что же нам жить, если у нас *и* на еду-то денег нет?). *Nedeljski dnevnik, 2002*;

Богатый интенсифицирующий потенциал данной лексемы виден и при анализе составных частиц и наречий, включающих компонент *še*, например:

pa še kaj! ‘еще чего! еще бы!’:

(45) V starih časih Gabru ne bi bilo treba tako senzacionalno odstopiti. *Pa še kaj!* Objavili bi čisto kratko novičko, da je odšel na novo dolžnost (В прежние времена Габеру не пришлось бы так внезапно уходить в отставку. *Еще чего!* Опубликовали бы коротенькую заметку о том, что он перешел на новый пост). *Dnevnik*, 1999.

še kako ‘еще как, как нельзя’:

(46) Točka ali celo dve nam bi prišli *še kako* prav (Один-два балла оказались бы для нас *как нельзя* кстати). *Dnevnik*, 2008.

še posebej (še zlasti) ‘в особенности, особенно’:

(47) V ajurvedski kuhinji so začimbe *še posebej* pomembne (В аюрведической кухне *особенно* важны пряности). *Интернет*, 2015.

še več ‘более того, мало того’:

(48) Ne strinjam se z njim, *še več*, preziram ga (Я с ним не согласен, *более того*, я его презираю) (SSKJ-2).

Отметим, что подобного рода составные частицы актуализируют не только усилительную функцию *še*: например, частица *še kar* вносит в высказывание дополнительное значение «допущение в рамках нормы»: в данном случае компонент *še* является ключевым для понимания данной единицы в целом с учетом весьма разнообразных функций *kar*:

še kar ‘вполне, нормально’:

(49) Je zadovoljna sama s sabo, s svojim življenjem? Ja, *še kar* (Она довольна сама собой, своей жизнью? Да, *вполне*). *Obrazi*, 2006.

Пример (49) представляет собой, пожалуй, единственный случай сходства нетемпоральной семантики *še* и *že*, поскольку значение

допущения или уступки свойственно также частице *že*, см. раздел 3, пример (56). Однако и здесь прослеживаются определенные аналогии с дифференциацией темпоральных контекстов употребления частиц: *še* в составе *še kar* (49) маркирует незавершенность ситуации (сейчас она довольна, но в будущем, вероятно, захочет перемен), *že* в (56) указывает на примирение с положением дел (вопрос закрыт, следовательно, вновь возникает ориентация на прошлое).

3. Нетемпоральные контексты употребления *že*

Частица *že* соотносится с русской *уже* не только в вышеупомянутых темпоральных контекстах, но и как интенсифицирующая частица. Как усилительные можно рассматривать следующие функции частицы *že*:

1) выделение:

(50) *Že sama ideja, da bi lahko v slovenskem parlamentu sedel ta poslanec, je Zagrebu gotovo neprijetna* (Загребу наверняка неприятна *уже* сама идея о том, что в словенском парламенте может сидеть этот депутат). *Mladina, 2004.*

Интенсифицирующая семантика может выражаться также при введении оппозиции *že... kaj šele* (переход от выделения к противопоставлению). В таком случае функция *že* сходна с функцией русских частиц *даже, и*:

2) противопоставление с усилением:

(51) *Očitno jim dela težave že matematika, kaj šele izdelava progajuna* (Очевидно, у них *и* с математикой проблемы, что уж говорить о составлении бюджета). *Интернет, 2010.*

(52) *Ta luknja je bila za nas otroke strašljiva že podnevi, kaj šele ponoči* (Нас, детей, эта яма пугала *даже* днем, а ночью — тем более). *Kmečki glas, 2000.*

Наряду с этим частица *že* вносит в высказывание усилительные оттенки значений, совпадающие с теми, которые выражаются при помощи русской лексемы *уж*. Последняя представляет собой отдельную частицу, а не разговорный вариант *уже*, «правда, со схожей семантикой и схожей структурой полисемии» (Урысон 2007: 541), поскольку в определенных контекстах эти лексемы взаимозаменяемы: «Дом наш

уже сгнил» — «Дом наш уж сгнил». Рассмотрим модальные оттенки *že*, соотносимые со значениями, которые выражаются при помощи лексемы *уж* (как видно из примеров (56), (57), при маркировании уступки или отказа возможно ее сочетание с отрицательной формой глагола, что несвойственно этой лексеме в темпоральном значении):

3) допущение при соблюдении минимальных условий:

(53) *Starejši otroci bodo že utegnili kaj prebrati* (Дети постарше *уж* смогут что-то прочитать). *Ciciban za starše, 2000.*

4) готовность, примирение:

(54) *Sam bom že preživel, dobro vem, kaj in kako je bilo* (Сам-то я *уж* выживу: я хорошо знаю, что и как было). *Nedeljski dnevnik, 2002.*

5) побуждение (*že* при форме императива):

(55) *Pojdi že, saj veš, da te čaka* (Иди *уж*: знаешь же, что тебя ждут). *Naša žena, 2006.*

6) (нежелательное) допущение, уступка (в условных придаточных):

(56) *Če že ne moremo biti z mladimi fanti zmagovalci Lige prvakov, sem pa prepričan, da smo lahko najboljša rokometna akademija v Evropi* (Если *уж* мы с молодыми ребятами не можем стать победителями «Лиги чемпионов», я уверен, что мы можем быть лучшей гандбольной академией в Европе). *Интернет, 2017.*

7) отказ, отрицание (*že* при отрицательной форме глагола):

(57) *Jaz tega že nisem naredil* (*Уж* этого я не делал). *Интернет, 2008.*

8) угроза (*že* с формой будущего времени глагола):

(58) *Te bom že naučil, kako se govori s starejšimi!* (Я *уж* тебя научу, как разговаривать со старшими!) *Alan Ford, 1999.*

По словам Е. В. Урысон, основное отличие *уж* от *уже* заключается в том, что происходит имплицитное противопоставление не двух следующих друг за другом событий, а ожидаемого и реальности

(Урысон 2007: 534). Действительно, при глубинном анализе всех вышеперечисленных функций выясняется, что такого рода оппозиция прослеживается везде. Кроме того, в примерах (53), (55), (57), (58) присутствует определенный, где-то менее, где-то более явный оттенок значения, связанный с выражением некоторого недовольства. Тем не менее достаточно частотны примеры с *že* (особенно в значении примирения или уступки), где мы обнаруживаем смягчение, а не недовольство, что ставит под сомнение возможность их перевода с помощью *уж*. Как правило, данные контексты содержат форму будущего времени глагола:

(59) *Tanja se je sprijaznila, da bo v kampanji naše zasebno življenje predmet javnih vprašanj. Pa sva si rekla, da bova že pojasnila, da živiva tako, kot hočeva, in to pustiva tudi drugim* (Таня смирилась с тем, что во время кампании наша личная жизнь станет публично обсуждаться. Но мы договорились, что дадим понять: мы живем так, как хотим, оставляя и другим это право). *Интернет, 2010* (пойдем на уступку, поскольку это часть нашей профессиональной деятельности).

(60) *Ni problema, bom že našla koga, ki bo šel namesto tebe* (Без проблем, я найду человека, который пойдет вместо тебя). *Lisa, 2005* (легкое примирение с ситуацией, умение найти быстрый выход).

(61) *»Ah, če boste hoteli, vam bo že uspelo,« sem bila namenoma optimistična* («Ах, если вы захотите, у вас получится», — я намеренно сохраняла оптимизм). *Bianta Minte-König. Preskus ljubezni* (соблюдение лишь одного условия приводит к успеху).

Частица *že*, семантически маркирующая окончание ситуации, в сочетании с формой будущего времени глагола как будто подчеркивает, что обеспечена гарантия ее благополучного разрешения несмотря на препятствия.

Компонент *že* входит также в состав нескольких частиц, которые не соответствуют *уже* или *уж* в русском языке:

že v redu / že dobro ‘в порядке, нормально’. Данная частица также входит в состав устойчивого выражения «*Je že v redu*» (Сдачи не надо).

(62) — *Oprosti... — Je že dobro ... Kar govori* (— Прости... — Все в порядке. Говори). *Интернет, 2014*.

(63) *Urbana je že v redu toda vedno pa ne moreš do nje ali pa jo pozabiš* (Хорошо, что есть карточка «Урбана», однако ее вечно не можешь достать или забываешь). *Интернет, 2010*.

že res ‘(ведь) действительно, (ведь) правда’:

(64) *Je že res, da vedno ne moremo pisati le lepega, dobrih novic* (Мы *ведь действительно* не можем всё время писать лишь о прекрасном, о хороших новостях). *Novice, 2007.*

Кроме того, данная частица может выражать другое значение — ‘уж точно, и вправду’, см. (65):

(65) *Še ona tako reče, potem je že res!* (Если она так говорит, значит это *и вправду* так!) *Lea, 2007.*

že / že že (ближе к междометию) ‘да-да, так-то оно так’:

(66) — *Videl si ga lani. — Že že, toda ne spomnim se vseh detajlov* (— Ты с ним встречался в прошлом году. — *Да-да*, однако всех подробностей не припомню). *Интернет, 2011.*

Все приведенные высказывания, кроме (65), где представлено второе значение *že res*, содержат семантический оттенок уступки: скажем, если рассмотреть первый пример, то подразумевается следующая ситуация: ты меня перебил, но я уступаю тебе право говорить, я примиряюсь с этим ходом событий, так как для меня оно в порядке вещей. Компонент *že* в данных составных единицах, как и в примерах (59)–(61), употребляется не для усиления, а напротив, для смягчения резких суждений или негативной реакции. Что касается второго значения *že res* — ‘уж точно, и вправду’ (65), то, на наш взгляд, трактовка здесь имеет отношение к оппозиции «ожидание — реальность»: его можно трактовать как указание на несоответствие результата ожиданию, см. пример (65): нам бы хотелось владеть всей информацией, но реальность такова, что у нас есть лишь намеки на нее, однако эти намеки достаточно достоверны. Неслучайно в одном из русских вариантов перевода данной частицы присутствует компонент *уж*.

Таким образом, в словенском языке, в отличие от русского, не произошло разделения на две частицы *уже* и *уж*, обладающие различными функциями. К этому имеет отношение один любопытный факт: у словенской частицы *že* не встречается контекстов, аналогичных русским: «*Уж* очень здесь грязно», — возможно, отчасти по причине возникновения интерференции у нее нетемпоральной функции

с темпоральной. Частица *že* совмещает функции лексем *уже* и *уж*, кроме того, при реализации в высказывании значения примирения или уступки она, в отличие от *уж*, может смягчать негативный смысл.

4. Заключение

Итак, темпоральные функции словенских частиц *še* и *že* обнаруживают сходства, однако в нетемпоральных контекстах функции этих частиц сильно различаются. В модальном аспекте данные частицы объединяет только то, что они вносят в предложение значение допущения или уступки.

Различия между словенскими лексемами *še* и *že* и русскими *еще* и *уже* проявляются как в темпоральном, так и в иных семантических аспектах. Темпоральные различия заключаются в невозможности частицы *že* употребляться с отрицательными глагольными формами, а также в специфике сочетания ее с обстоятельствами времени. При использовании словенских частиц *še* и *že* характерна трактовка события как локализованного на временной оси и отсутствие связи с «временем говорящего». В целом же *še* и *že* обладают более широким набором функций, нежели их русские соответствия: *še* отличается бóльшим потенциалом как интенсифицирующая частица, *že* выступает в качестве аналога частиц *уже* и *уж*, однако, в отличие от *уж*, не всегда вносит оттенок недовольства и, напротив, может смягчать негативный смысл.

Литература

Апресян 1986 — *Апресян Ю. Д.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. М.: ВИНТИ РАН, 1986. С. 5–32.

Бабайцева 2000 — *Бабайцева В. В.* Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 640 с.

Богуславский 1996 — *Богуславский И. М.* Сфера действия лексических единиц. М.: Языки русской культуры, 1996. 466 с.

Моисеев 1978 — *Моисеев А.* Частицы *уже* и *еще* в современном русском языке // *Slavia orientalis*. Warszawa, 1978. Roczn. 27. № 3. С. 357–360.

Мустайоки 1988 — *Мустайоки А.* О семантике русского темпорального «ЕЩЕ» // Доклады финской делегации на X съезде славистов / под ред. А. Мустайоки и др. София, 1988. (*Studia Slavica Finlandensia*, t. 5). С. 99–141.

Николаева 1985 — Николаева Т. М. Функции частиц в высказывании (на материале славянских языков). М.: Наука, 1985. 170 с.

Остроумов 1954 — Остроумов А. А. Наречие *еще* и его безударный двойник // Доклады и сообщения Ин-та языкознания АН СССР. Вып. 6. М.: Издательство Академии наук СССР, 1954. С. 67–73.

Перцов 2002 — Перцов Н. В. О возможном семантическом инварианте русских фразовых частиц *уже* и *еще* // Семантика начала и конца / отв. ред. Н. Д. Арутюнова. М.: Индрик, 2002. С. 137–144.

Труб 2003 — Труб В. М. О специфике семантической интерпретации предложений с заполненными темпоральными валентностями частиц *еще* и *уже* // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии = Computational linguistics and intellectual technologies. Труды международной конференции «Диалог 2003» (Москва — Протвино, 11–16 июня 2003 г.) / [отв. ред.: И. М. Кобозева и др.]. М.: Наука, 2003. С. 673–680.

Урысон 2007 — Урысон Е. В. *Уже* и *уж*: вариативность, полисемия, омонимия? // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2007» (Бекасово, 30 мая — 3 июня, 2007) / под ред. Л. Л. Иомдина [и др.]. М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 531–541.

Gigafida — Gigafida 2.0. Korpus pisne standardne slovenščine. Режим доступа: <https://viri.cjvt.si/gigafida/> (дата обращения: 27.09.2019).

Krvina, Žele 2018 — Krvina D., Žele A. O členkih, zlasti o njihovih razločevalnih lastnostih: poudarjen slovarski vidik // Jezik in slovstvo. Ljubljana, 2018. Letn. 63, št. 1. S. 39–64.

Smolej 2004 — Smolej M. Členki kot besedilni povezovalci // Jezik in slovstvo. Ljubljana, sep.–okt. 2004. Letn. 49, št. 5. S. 45–57.

Smolej 2015 — Smolej M. Particle clauses // Slovenski jezik — Slovene linguistic studies. [T.] 10. Ljubljana etc., 2015. S. 127–137.

SSČ — Žele A. Slovar slovenskih členkov. Ljubljana: Založba ZRC, 2014. 76 s.

SSKJ — Slovar slovenskega knjižnega jezika. Elektronska objava. Режим доступа: <http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html> (дата обращения: 27.09. 2019).

SSKJ-2 — Slovar slovenskega knjižnega jezika, druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Elektronska objava. Режим доступа: <https://fran.si> (дата обращения: 27.09.2019).

Šekli 2017 — Šekli M. Členek med prislovom in veznikom: (na gradivu jezika Brižinskih spomenikov) // Jezikoslovni zapiski. Ljubljana: Založba ZRC, 2017. [Letn.] 23, št. 2: Ob jubileju Ljubov Viktorovne Kurkine. S. 301–318.

Toporišič 1974 — *Toporišič J. Kratko oblikoslovje slovenskega knjižnega jezika* // Seminar slovenskega jezika, literature in kulture: informativni zbornik. Ljubljana: Oddelek za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 1974. S. 29–50.

Toporišič 1991 — *Toporišič J. Členki in njihovi stavčni ustrezniki* // XXVII. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture. Ljubljana: Oddelek za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 1991. S. 3–16.

Uhlik 2018 — *Uhlik M. O naj in pust' v slovensko-ruski sopostavitvi* // Slavistična revija: časopis za jezikoslovje in literarne vede. Ljubljana, 2018. Letn. 66, št. 4. S. 403–419.

Uhlik, Žele 2018 — *Uhlik M., Žele A. Da-предложения при глаголах желания и побуждения в словенском языке* // Вопросы языкознания. М., 2018. № 5. С. 87–113.

References

Apresian, Yu. D. “Deĭksis v leksike i grammatike i naivnaia model' mira.” *Semiotika i informatika*, vyp. 28, Moscow: Institute for Scientific and Technical Information, Russian Academy of Sciences, 1986, s. 5–32.

Babaytseva, V. V. *Iavlennia perekhodnosti v grammatike russkogo iazyka*. Moscow: Drofa, 2000, 640 s.

Boguslavsky, I. M. *Sfera deĭstviia leksicheskikh edinits*. Moscow: Iazyki russkoĭ kul'tury [LRC Publishing House], 1996, 466 s.

Gigafida 2.0. Korpus pisne standardne slovenščine. <https://viri.cjvt.si/gigafida/>. Accessed 27 Sept. 2019.

Krvina, D., Žele, A. “O členkih, zlasti o njihovih razločevalnih lastnostih: poudarjen slovarski vidik.” *Jezik in slovstvo*, letn. 63, št. 1, Ljubljana, 2018, s. 39–64.

Moiseev, A. “Chastitsy uzhe i eshche v sovremennom russkom iazyke.” *Slavia orientalis*, roc. 27, no. 3, Warszawa, 1978, s. 357–360.

Mustajoki, A. “O semantike russkogo temporal'nogo eue (eshchë).” *Doklady finskoĭ delegatsii na X s'ezde slavistov*, ed. by A. Mustajoki et al. Sofia, 1988, (Studia Slavica Finlandensia, t. 5), s. 99–141.

Nikolaeva, T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii (na materiale slavianskikh iazykov)*. Moscow: Nauka, 1985, 170 s.

Ostroumov, A. A. “Narechie eshche i ego bezudarnyi dvoĭnik.” *Doklady i soobshcheniia Instituta iazykoznanii AN SSSR*, vyp. 6, Moscow: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1954, s. 67–73.

Pertsov, N. V. “O vozmozhnom semanticheskom invariance russkikh frazovykh chastits uzhe i eshchë.” *Semantika nachala i kontsa*, ed. by N. D. Arutyunova. Moscow: Indrik, 2002, s. 137–144.

Slovar slovenskega knjižnega jezika. Elektronska objava, <http://bos.zrc-sazu.si/sskj.html>. Accessed 27 Sept. 2019.

Slovar slovenskega knjižnega jezika, druga, dopolnjena in deloma prenovljena izdaja. Elektronska objava, <https://fran.si>. Accessed 27 Sept. 2019.

Šekli, M. "Členek med prislovom in veznikom: (na gradivu jezika Brižinskih spomenikov)." *Ob jubileju Ljubov Viktorovne Kurkine. Jezikoslovni zapiski*, [letn.] 23, št. 2, Ljubljana: Založba ZRC, 2017, s. 301–318.

Smolej, M. "Členki kot besedilni povezovalci." *Jezik in slovstvo*, letn. 49, št. 5, Ljubljana, sep.-okt. 2004, s. 45–57.

Smolej, M. "Particle clauses." *Slovenski jezik — Slovene linguistic studies*, [vol.] 10, Ljubljana etc., 2015, s. 127–137.

Toporišič, J. "Kratko oblikoslovje slovenskega knjižnega jezika." *Seminar slovenskega jezika, literature in kulture: informativni zbornik*, Ljubljana: Oddelek za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 1974, s. 29–50.

Toporišič, J. "Členki in njihovi stavčni ustrezniki." *XXVII. Seminar slovenskega jezika, literature in kulture*, Ljubljana: Oddelek za slovanske jezike in književnosti Filozofske fakultete, 1991, s. 3–16.

Trub, V. M. "O spetsifike semanticheskoi interpretatsii predlozheniĭ s zapolnennymi temporal'nymi valentnostiami chastits *eshche* i *uzhe*." *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii = Computational linguistics and intellectual technologies. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2003» (Moskva — Protvino, 11–16 iunija 2003 g.)*, ed. by I. M. Kobozeva et al., Moscow: Nauka, 2003, s. 673–680.

Uhlik, M. "O naj in pust' v slovensko-ruski sopostavitvi." *Slavistična revija: časopis za jezikoslovje in literarne vede*, letn. 66, št. 4, Ljubljana, 2018, s. 403–419.

Uhlik, M., Žele, A. "Da-predlozheniia pri glagolakh zhelaniia i pobuzhdeniia v slovenskom iazyke." *Voprosy Jazykoznanija (Topics in the study of language)*, no. 5, Moscow, 2018, s. 87–113.

Uryson, E. V. "*Uzhe* i *uzh*: variativnost', polisemiia, omonimiia?" *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog 2007» (Bekasovo, 30 maia — 3 iunija, 2007)*, ed. by L. L. Iomdin et al. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2007, s. 531–541.

Žele, A. *Slovar slovenskih členkov*. Ljubljana: Založba ZRC, 2014, 76 s.

Maria L. Kuleshova
Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

A comparative analysis of the Slovenian particles *še* and *že* against the background of the Russian language

The article compares the Slovenian particles *še* and *že* mainly with the Russian particles *еще* and *уже*. Unlike the Russian particle *уже*, the Slovenian particle *že* cannot be combined with the negative form of the verb: instead of it, the adverb *več* is used in such contexts. The most subtle differences between the Slovenian and Russian languages are found in the combinations of *še* and *že* with temporal modifiers, where the so-called “plot time” is characteristic of the Slovenian language. The event is interpreted as localized on the time axis, not from the perspective of the «speaker’s time», which is manifested in the possibility of using *že* in such contexts as *umrl je že v devetnajstem stoletju* (he died in the nineteenth century already). Moreover, *že* is not able to express the meaning ‘no earlier / no later than’, because the particle *še* replaces it in this function. The author comes to the conclusion that Slovenian particles are more widely used as modal than their Russian equivalents. The particle *še* has numerous intensifying functions, correlating with the functions of Russian particles *даже*, *еще* *и*, *и*. The particle *že* can be used in the same way as two Russian words *уже* and *уж*. In contrast to *уж*, *že* does not always express displeasure and can add the meaning of a concession to the statement.

Keywords: Slovenian language, Russian language, lexical semantics, particles, modality.